

Любимая!
Возьми меня —
спасать мир,
который я люблю...

Л

Ю

Б

И

М

А

Д

01884.

Как Вечность и Вечность,
объяли друг друга
две жизни мгновенных
Вселенной немой.
Ты слышишь мой голос
сквозь времени выюгу:
- Я буду с тобою,
ты будешь со мной!
- Ты будешь со мною,
я буду с тобой...

Ах, как покачнулась
орбита земная!
Ты злобу чужую
прости мне, прости.
Я слышу твой шепот.
Уже - оглушая:
- Спасайся, любимый?
любимый, спаси!
- Любимый, спасайся,
любимый, спаси...

Не дай миру длиться
пустой чернотой,
дай сердце твое на
прощенье и жизнь,
и совестью разума,
голосом крови:
- Клянись, мой любимый,
любимый, клянись!
- Клянись, мой любимый,
любимый, клянись...

Пророчат нам гибель
иль час озаренья,
бездомное небо
дрожит тишиной;
душа, ты вдохнула
бездомное время:
- Что будет с тобою,
что будет со мной?
- Что будет со мною,
что будет с тобой...

Покуда живые -
живые, как прежде,
мгновения наши
векам не убить!
Любимая, слышишь,
мы - эхо Надежды:
- Ты будешь любима,
я буду любить!
- Я буду любима,
ты будешь любить...

01885.

*Всю жизнь расти,
всю жизнь болезни роста:
боль над тобой,
боль в глубину...
Всю жизнь бегу
и падаю на подступах,
на подступах
неведомо к чему!*

*И в час,
когда приходит поражение,
и в час,
когда победою живу, -
двойник кривит
зеркальным наваждением,
не ведая: чье право - наяву?*

*Я - человек.
И мне довольно мира.
Путь озаряет
выбранная цель.
Боюсь не смерти я,
боюсь, что Ирод
вновь явится
с улыбкой на лице.*

*Судьба судьбы,
огонь для очищенья!
Елей иные люди изберут.
Что ж вера веру
ставит на колени
на жизни
восхитительном пиру?*

*Всю жизнь расти...
Всю жизнь болезни роста.
Кентаврам чьим
приказано: «Скачи!»
Навстречу пропасти, чтоб
вздыбиться на подступах,
где вера - свет двоящейся
свечи.*

01886.

Возвращаюсь в свой храм
иноверцем,
на инокгах и золоте пыль,
возвращаюсь,
с остуженным сердцем, -
помирить свою небыль и
быль.

Знаю, время, летящее лихо,
не улыбкой карает обман.
Неужели изверились тихо
и не храм согревает, а сан?!

Кто теперь пропоет
прихожанам:
«Возлюбите дорогу детей»?
Боже!
Глобус на гвоздике ржавом
кружит вечную боль
матерей.

Все горит и хоругвием
красным
подогрело господень
стакан.
Иноверцы -
грядущая паства...,
ночь безверия - кара богам!

01887.

Снег неожидан, как шок,
рубчатый след на снегу,
в спину летящий снежок,
шепот обиженных губ.

Что же ты снова шалишь,
где-то теряя шарфы?
Тридцатилетний малыш,
дяденька, что ж это вы?!

К вам не заглянет теперь
даже Снегурочка, и -
бросьте коситься на дверь,
если придут, то свои.

А пред глазами узор,
бал-маскарад, тишина:
утро придет - будет вор,
ночь упадет - не жена.

Вечный капроновый снег,
в дом возвращаться
нет сил.
Хлопнула дверь и - конец.
Яблочко черт надкусил!

01888.

Целую тебя,
точно пью «посошок»,
зрочки за нулями оправы
не выплавят капель:
душевный ожог,
пустых откровений
отрава...

Погрузится ночь
в никотиновый чад,
просверлит лазейку
досада,
внимают глаза:
суету врачевать
не поздно,
но больше не надо.

Приблизится занавес
завтрашних дел,
где ты, в скорлупе обаянья,
изломана тайной
двух любящих тел,
где души бессмертные -
изваянья!

А, помнишь, ты пела?
И клавишей дробь,
и то стеарина свеченье:
все было реально,
все сердца озноб,
все было послушно,
как время!

И вот:
чередою затмение лиц,
и встречи,
как будто в прихожей,
и бег наш безумный -
мелькание спиц! -
и пусто под замшевой
кожей...

Обид полновесных
растрачена ртуть.
Уймись, телефонное благо!
Отметится риском
повторный твой путь
от первого и до последнего
шага.

Пеплом костюмчик мой
припорошен...

Целую тебя.
Не пьянит «посошок».

01889.

Я хочу тебя выпить,
любимая,
и твоею быть жаждой
хочу,
чтобы наше молчание
длинное
не гасило двух жизней
свечу.

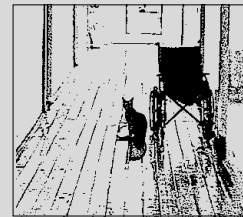
Я хочу понимания
трудного;
неизвестность дразня,
как иглу,
я зову
немоту неподсудную
к двум источникам:
Злу и Добру.

Чтобы видеть,
как в драме борения
восстают из Хаоса глаза,
чтоб навек
в эстафете мгновения
боль свою
с болью друга связать.

Не в покое ли зреет
бунтарское?!
Снизойти к объяснению
нельзя:
и не смеешь унижить ты
ласкою,
и, как узник, в признании
я.

Но! Войди же ты
в комнату, тающе,
плащ поношенный
вдруг урони...,
и умру я
на ноте пронзающей,
в час творенья
упавши в зенит.

Догорает
свечение длинное:
опусти руки с плеч,
опусти,
это - двум испытаньям,
любимая,
суждено свою гибель
нести.

01890.

*Я опять поломал карандаш,
я сегодня рисую с утра
серый дождик
и серый пейзаж,
серый-серый
квадратик двора.*

*На скамейке сидит
серый кот,
не пугаясь бесцветных
людей...
Это просто такой
серый год
серой тенью
стоит у дверей.*

*Старый тополь,
как серый монах,
приподнялся
над серой травой,
и лежит,
как большая стена,
небо серое над головой.*

*А на зеркале серая пыль...
Почему вы не ждете
гостей?
Неужели и вас посетил
этот серый
колдун и злодей?*

*Карандаш я устало чиню,
все вздыхаю
над серым листом.
Мысли серые я прогоню...
Кошка черная
просится в дом!*

01891.

Он, говорят,
вообще, стрелялся!
Живет, дурак...
Рука не так тверда.
Он водку пил,
как будто бы смеялся,
когда смеялся,
будто бы рыдал.

Он верил всем.
Ему - никто не верил.
С женою спал,
как будто воровал...
Когда судил,
судил по КРАЙНЕЙ мере,
когда прощал,
то - именно! - прощал.

Летел в Сибирь -
рассказывал о Юге,
летел на юг -
по снегу тосковал,
он палачу на чай бы,
за услуги,
сыщи такого - золотом бы
дал!

Глядел вперед,
оглядывался чаще,
умел молчать,
как близкий гром...
Он жизнь, как костюм
неподходящий,
надевши с легкостью,
донашивал с трудом.

Кто знал его?
Он деньгами швырялся!
Да и на слово был не скуп.
Свой черный день
завязывал, как галстук,
пред честностью
сомкнутых глаз и губ.

Стекланный груз:
чужое откровенье...
Он гордым был,
как вечный арестант!
И шла за ним душа его,
и тенью
ложилась там, где крылась
пустота.

Был неба свод?
Нет, купол саркофага!
И что ни шаг,
то будто под экспресс!
Лишь ночью, в голос,
плакала бумага,
как будто бес,
взобравшийся на крест.

01892.

*Начинается шум дождя,
осторожно уходит сон,
горечь радости мне судья;
слава богу, что не прощен...*

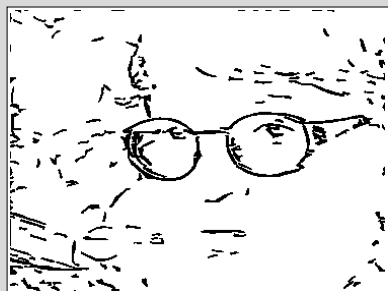
*Я по лестнице вверх и вниз,
по стране из конца в конце,
перег жизнью,
как мертвый, чист,
а вокруг - суета сердец.*

*И отводит глаза портрет,
и не едут ко мне такси,
и парит на одном крыле
одиночества верный стыд.*

*Ностальгия застолий?
Что ж,
пустоту не замкнешь
ключом:
моя память - укоров дождь,
моя верность - обид плечо.*

*Колесо повернулось вспять.
Будто делаю шаг вперед:
ухожу... Я люблю тебя!
Слава богу, не наоборот.*

*Ухожу я под шум дождя,
ухожу, как уходит сон.
Радость горечи мне судья,
а тебе будет некто ОН.*

01893.

Безмерны бездны
очертанья:
работа времени -
все влечь;
огромный мир «вдохнув»
глазами,
я выдохнул двоящуюся
речь!

01894.

Ей от рожденья
до рожденья
не так, не то, не с тем,
не там,
ей удивленье - не от денег:
холодный ужин
между рам.

Уже легко
от красок зимних,
уже помады ярче цвет,
и сетью путает незримой
хулы зевающей навет.

И ночью,
как письмо от мужа,
пиковый сон затеет спор,
а в коммунальной кухне
кружит
жильцов досужих
разговор.

В калейдоскопе
настроений:
работа-дом, работа-дом...
Все меньше
жажда изменений,
все больше планов
на потом.

И строки дней
сгущают строфы,
и нервы просят коньяка,
и взгляда злая катастрофа
ждет любопытства чужака!

Друзья не ходят.
В доме чисто.
И на проблемы
свет - не льет.
Провинциальная актриса
не удивительно живет.

01895.

*Я обладаю женщиной,
но радости в том нет,
объятья - средство
сделать ей приятно,
лишь это радует...
Не дай ей бог,
узнать об одиночестве
моем!*

01896.

Научили девочку
правильным словам,
подарили бабушке
тихую печаль,
прыгает, как мячик,
плачет голова,
и кого-то прячет
бабушкина шаль.

Странно электричество
жгут по вечерам,
ночью просыпается
ябеда-паркет:
кто там, кто там, кто
там, кто там ночевал?
кто там, кто там, кто
там?! Никого там нет!

Разбудили, глупые,
солнце-барабан,
под окном танцует
девочка-сирень,
по дороге катит
старый шарабан:
ох, приедут гости,
веселиться - лень...

- Здравствуйте, хозяйева!
Где же самовар?
(Апельсин за пазухой,
а в руке цветов).
- С нами все по-прежнему,
с нами не пожар,
просто очень хочется
помолчать чуток.

Намолчались досыта
тучи в небесах,
побелели яблони:
будет урожай.
Заплутал-запутался,
выбыл агресат;
кто куда попрятался?
у-га-гай.

Ищет, ищет девочка
нужные слова,
дочь растет упрямая,
ничего не жаль!
Прыгает, как мячик,
плачет голова...
Хочется смеяться.
Бедность - не печаль.

01897.

**Свой путь ищи,
и на костер взойди:
суть поиска огня -
ты сам,
ты зеркало
злодейства
и любви.**

**Природа, разум, смерть...
Испепеляющ жизни плен:
душа - таможня
для любых обмен.**

01898.

Отвернулись грузья:
почему?
Каждый сам себе
друг теперь;
потому что
среди прочих нужд
появились: замок и дверь
Отменяется час кутежа,
представители
строгих лиц,
говорят, что им очень жаль,
но не может быть небылиц.
Исповедует время себя,
что ни исповедь, тихий ад;
думы ангелами трубят,
предлагая спешить назад.
Я бы выпил глоток суеты
но не той,
что рекой влечет;
не сулите ослепшим стыд:
у счастливых особый счет!
Я прощаю в грузьях
новизну;
пусть по стеблям
струится сок,
чтобы с жизнью разминуть
пожелтевшего лета срок.
Романтический пепел
возьми,
романтический помня миг:
искушений веселый змей -
сожаления вечный крик.
Осторожно: собака души!
То свобода жить,
то свобода ждать:
без вершины -
не довершить,
без падения - не узнать.
Ах, грузья мои, ростовщики,
все костюмы мечтаний -
в долг;
поминания вечный скит
отпустить никого не смог.

01899.

Не жалуйте чинов,
пожалуйста,
не прячьте золотой,
не выпрошу,
не трогайте меня
из жалости:
судьбу свою возьму,
не выброшу.

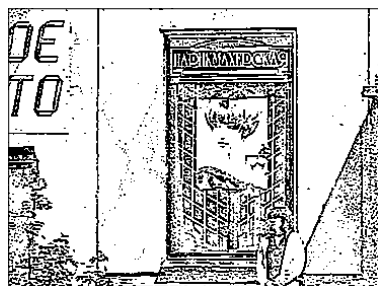
Возьму в голодный век
терпение,
кому креста покой -
отчаянье,
а мне судьбы искать
веление,
и траур твой -
мое венчание.

Пока вино течет горячее,
пока подкова есть
прибитая,
душа свободна, а палач ее
готовится, любви таясь...

Горят мои щиты
картонные,
горит моя спина
под взглядами:
в окне моем чело иконное,
во мне твоя звезда
проклятая.

Когда тебе и мне доверятся
у крайней у черты
открытия,
вот там остановить бы
мельницу,
забывши торопить
события.

Бредет моя фортуна
в рубище:
сезон пути,
сезон забвения...
А ты, мой ангел,
пой о будущем,
покуда есть еще терпение.

01900.

Что ни скажешь ты мне,
не услышу я,
что ни вымолвлю,
все в пустоту:
с нами, третья,
под общемою крышею
злая Злоба шипит
на плиту.

С нами, третья, живет себе
Ненависть,
бьет посуду, ворует ключи,
я во сне вижу
дальние местности,
где живут не мои Палачи...

Где неяркие краски
заманчивы,
не обманчива слов широта,
и не уголья,
сердце горячее,
и пустая обида пуста.

Будто где-то там,
так удивительно,
утекла вся дурная вода...,
а проснусь:
в изголовии мстительно
снова щурится,
ждет маета.

С нами, третьим,
живет Унижение,
Грубость в доме теперь,
как своя,
ходят под руку
Лень с Оскорбленьем
и прописана Ложь на паях.

Равнодушие, Подлость,
Истерика,
Понимание лезет в петлю...
И вздыхает Обида,
и невесть как
я тебя почему-то люблю.

01901.

Торопись! Торопись!
Торопись!
Без тебя от тебя -
не убудет...
От любви
начинается жизнь,
от беды начинаются люди.

Побежим! Побежим!
Побежим!
Окрыленности
вечна невинность;
без любви
ни один не прожил,
коротка только наша
взаимность.

Отзовись, отзовись,
отзовись
на веселье весной
перелетной:
ты проснулась,
любимая Жизнь?
Извини, мне пора
на работу...

01903.

*Брр-р!
Прощайте.
Трамвайная стужа,
ускользающий
абрис в ночи...
Как ожог,
на стекле белокружном
отпечаток дыханья
кричит:
«Невозможна,
нелепа ошибка!»
Чья-то скорбь
свои ставит следы.
Ссора с женщиной
в холоде зыбком
разрешилась
гуэлью гордынь;
дверь вагона скулит,
как дворяжка,
весь нездешний,
что гряхлая «ять»,
в тридцать градусов
еду в фуражке...
Я у друга ночую опять!*

01902.

Мы не поверим в то,
что поздно
вернуться, в опыте начать,
и путь, что был
однажды познан,
самим себе предначертать:
хотя бы раз, хоть половину,
хотя бы треть, хотя бы час...
Явиться б с гордою
повинной
туда, к былому, как указ.

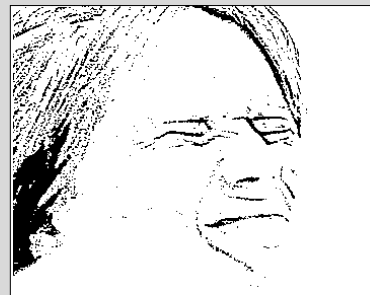
От невозможной нашей
траты
телес, торопящихся жить,
в фаворе дух,
одетый в латы,
но не умеющий любить.

Опомнись!
Кладбище в блокноте
невоскресимых адресов:
суть недописанных полотен,
соль недочитанных стихов.

Нас убеждают и насильно:
то отрезвляют, то поят...
Смиреньем,
«ценностью» фамильной,

едва прозреешь, ослепят!
Куда ты, Млечная Дорога?
Вот холодеющий базальт...
Но все возвышеннее слоги,
все бутафорнее печаль.

Неправда!
Вспышка даровая
продленья ищет впопыхах:
а вдруг есть Истина иная,
не утоляющая прах?
Неправда!
Криком отмета
оковы, мучается глен,
и жизнь,
как падшая святая,
приподнимается с колен.

01904.

Как презирать тебя?
Ведь презирают ЧТО-ТО!
А ты - ничто.
Что ж,
презираю тем,
что я с тобой живу.

01905.

Разреши постучать
в твою дверь!
Ты не спросишь,
кто это стучится,
да и мне
все равно уж теперь:
кто откроет?
И - не удивится.

Облетел меловой потолок.
Неуютность.
Приметы семейства...
Разомкни горла
замкнутый ток:
лицемерие наше -
злодейство.

Что бы, что напоследок
обжечь?
На ответное жженье
готова,
ты спешишь
в одиночество лечь,
я зеваю, и между - ни слова.

Неужели, все так и умрет
по частям, на глазах,
постепенно,
и в фальшивом молчании
рот
будет замкнутым
в замкнутых стенах?

Разреши постучать в твою
дверь...

01906.

Она пришла. Глаза опухли
от слез, обиды и стыда:
давили лаковые туфли
окурки в здании суда,
а он, похожий на антенну,
косые взгляды
брал в себя...
Произошла немая сцена
любви,
любивших не любя.

01907.

Раскладушка скрипит
подо мной,
спит жена,
спит сосед за стеной,
спит жена,
спит сосед за стеной
перед этой,
последней, войной.

А душа, как осколок, болит,
дети спят, и жена моя спит,
дети спят, и жена моя спит:
я еще не убит, не убит.

До свидания-здравствуй,
жена:
мы проснемся, мы выпьем
вина,
мы проснемся, мы выпьем
вина,
ведь еще не война, не война.

Может, кончится
наше вранье?
Сядем рядом,
да порознь споем,
сядем рядом,
да порознь споем:
ты о старом, а я о своем.

Раскладушка
скрипит подо мной,

я один со своей тишиной,
я один со своей тишиной...

перед этой, последней,
войной.

01908.

Какая женщина!
Не женщина, а шприц:
ее зрачки кололи в душу,
ее влюбленности,
похожие на блиц,
маскировались...
«тайнами» наружу.

Какая женщина!
Красивая, как лжец:
ее сарказм опасней яда,
и только жизнь ее,
похожая на жест,
не переносит
понимающего взгляда.

01909.

Ну, почему судьба жестока
и почему все в мире так:
среди людей мы одиноки,
и очень труден каждый
шаг?

Друг друга мы, не понимая,
бежим куда-то
день за днем;
неужто райская прямая -
всего лишь юношеский сон?

И час последнего заката
еще, казалось бы, далек...
Какая проклятая плата
за каждый шаг
и каждый срок!

Зачем же ты, седая фея,
на платье белое глядишь? -
Все безнадежней и сильнее
любовь к несбывшемуся
лишь.

Зачем палач так
беспощадно
избрал, по воле Рока час,
и жалит страх любви
площадной
в последний миг
и в первый раз?

Не преклоняй, мой друг,
колени,
все повторяется
точь в точь:
у палача есть имя, Время,
а у тебя есть время, Ночь.

01910.

Все в мире едино:
трава и цветы,
как плачут деревья,
я слышу,
и гордые птицы
кричат с высоты,
и горы холодные дышат.

Взаимно прекрасны
и грани, и сны,
медвяного лета настои,
и маятник Света,
и блеск Сатаны,
и Тьмы материнство
святое!

Да будет не чуждая
ноша твоя,
тревога, сестра созиданья;
ракушечник шельфа,
тень умерших «я»...
Твой дом - филиал
мирозданья!

Чей пес распростерся у ног
на ковре?
Он друг и слуга
откровенно;
в покорном зеркале
о Зле и Добре
ты - Господи Боже,
наверно...

Овалы комфорта, бетон,
провода;
как бдительные
сторожи быта!
А взгляд все отважней
стремится ТУДА,
где стражник, но дверь
приоткрыта...

Ступень за ступенью,
скрепляя азы,
уходит в Круги человеке;
качают весы
Немота и Язык,
и длится мгновение вечно!

01911.

Здесь не видятся люди,
здесь успех не успех,
здесь и судьбы не судьбы
и под трауром смех.

Уши залили сплетни,
вместо фей колдуны,
здесь не пишутся песни,
лишь свирепствуют сны.

Не придет напоследок
ни на грошик чудес,
здесь из рук моих, веток,
вырос алчущий лес.

Здесь холодные реки
обрывают свой бег,
да еще человеки
умирают у рек...

На ладье поднебесной
покачался колдун,
над голодным тем лесом
вой невидимых струн.

Я стою, как впервые,
над извечностью бед
и цветы жестяные
прижимаю к себе.

Здесь не то чтобы грустно,
и не то чтобы страх,
просто тесно и пусто
во чужих чудесах.

Напоследок все мало!
А тебе говорят:
«Это только начало
построения в ряд!»

Рвали сплетни с ушами,
песню вбили, как кляп.
И сказали: «Ты - с нами!»
И послушался раб...

Где ж вы, силы земные!
Весь уже ослабев,
я цветы жестяные
прижимаю к себе.

01912.

*Как спину стужит
время пожеланий!
Опять участие
искренних юнцов
зачем-то рядом...
и без надобности ранит
покой гнезда
несостоявшихся отцов...*

*К чему теперь
болезненная бодрость?
Сгущающийся неба окаем.
Тсс-с! Терпеливую,
подрезанную гордость
немой расчет переключает
на «прием».*

*Ты, друг, устал уже
от планов и условий,
собою быть
и то теперь за труд!
Взгляни: товарищи без
лишних славословий
вторично женятся
и заново живут.*

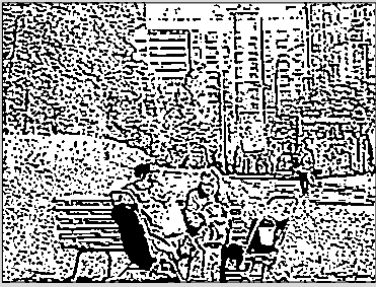
*Да, твой полет, увы,
пугающе спокоен,
с авоською ты машешь
в «Гастроном»...,
одна душа, как будто
старый воин,
грустит о будущем,
беседа с вином.*

01913.

**Я провалился.
Был как не был.
Ну, а она ждала.
А я решал, как ребус,
свои дела.**

**Я колесил.
И куролесил
себе, считай, назло.
И не ее я встретил.
Не повезло.**

**А спохватился:
к ней с приветом...
Ну, а она давно
решила ребус этот:
ей все равно.**

01914.

*Когда и кем
наш путь рассчитан?
Пуглив грядущего мираж!
Лишь смех,
как молниезащита,
хранит
воздушный замок наш.
Любовь моя,
держись объятий,
впивая, алча каждый миг;
меж «нет» и «да» -
как бритва! - счастье:
не долог век, не злобен лик.
Моя, моя! Ах, время зыбко:
улыбка прячется в улыбку.*

01916.

*«Извините,
но кофе с цикорием...,
это вам все равно,
а не мне!» -
У Наташи знакомства,
истории
и друзей,
как воды по весне.
В этой кухне уютной,
прокуренной
от рассказов чужих
теснота.
У Наташи
щека не напудрена,
у Наташи
вся ночь - пустота.*

*Ой ли, был ли искуситель?
Память
стрижена под «ноль».
Муж бы, жизни повелитель.
Есть...
Да призраков король!*

*«Я ни во что уже не верю!»
сказала, вздернула очки,*

01915.

*Вернись в мой дом,
пока еще не пуст он,
пока печаль
над книгой в забытьи,
и не отравлены
брожением изустным
минувшие и будущие дни.*

*Так долго ранившая
лаской воскрешенной,
была ты вопиющая раба
незримых пут,
тобою же свершенных:
в бессилии напрягшегося
лба!*

*За дверью,
где возврата не бывает,
есть знание,
мучительнее лжи...
Вернись в мой дом,
пока еще взлетают
два ангела на эти этажи.
Вот высший суд ее,
карающий прощеньем.
Нет искупления.
Есть - время.*

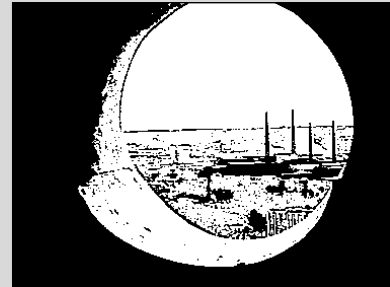
*и головой,
как птица в перья,
ушла в две маленьких
руки.*

*Чуть покапризничала:
«Чуда
хочу, неужто же нельзя?!»
Лишь предлагают
мыть посуду
ее неглупые друзья.*

*Уже седые запятыя
роются в волосе, увы,
и дни ее, как позывные,
кричат над вечностью
молвы.*

*Замочек клацает у двери,
посуда моется, дела...
«Я ни во что уже не верю!»
Ворчит. Будильник завела.*

*У Наташи
печальные мысли:
надо ей,
чтобы всем - хорошо.*

01917.

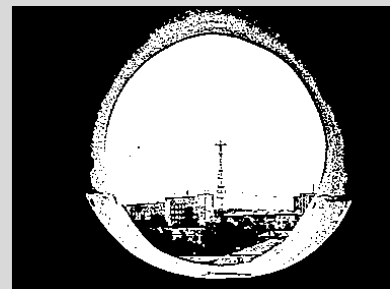
*На что расходуется жизнь?
Я утром встану,
хлопну дверью
и, отвернувшись, прикурю,
лишь одного желая остро:
жить надо просто.
И, оглянувшись
с недоверьем
на дня минувшего потери,
в существование вступлю.
Как остров.*

*Работа. Стол.
Приятель скуки,
чужие мысли узнаю,
слова чужие повторяя
в чиновном рае:*

*те же знаки, те звуки
вполне изученной науки
без раздражения терплю.
И - день стараюсь.*

*Обед. Кроссворд.
Звонок от друга.
Ток заполнения маеты.
Как все проверено и точно!
А между - прочее:
гляделки, мелкая услуга,
подруга из того же круга,
и ностальгичные мечты -
поехать в Сочи.*

А жизнь идет.

01918.

*Да! Поверяют выбор галью;
во мрак холодного чела
мой погрузится
взгляд прощальный,
как раскаленная игла.
Все переможет
слабость сердца!
В анестезии забытья,
как лед и пламень,
два соседства:
любовь и бегство бытия.
Слова, хранители итога:
молчи, любимая, молчи,
пусть каждый раз
в молчаньи долгом
безумьем разум мой горчит.
Нас закаляют испытанья;
мир на перронном сквозняке
вновь обручает два желанья
на разводящем языке.
Часы блеснут, как Бога око,
мой взгляд стужен
до черноты!
И еду я! В... командировку
на грани муки и мечты.*

01919.

**Мы не знаем, кто прав,
только знаем, что грех
друг у друга украл,
не оплакать бы смех.**

**Мы друзья навсегда,
видно, годы ушли,
и любил бы я, да
притяженье земли.**

**Как подняться до грез,
до смертельных
«прощай»?
А вопрос очень прост,
как полуночный чай...**

**Где за жестом - глаза,
за душою - беда;
наше робкое «За» -
постаревшее «Да».**

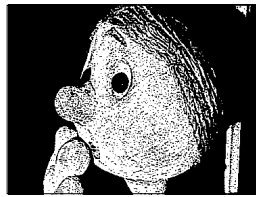
**Мы устали молчать
в щебетаниях встреч,
мы готовы начать,
не умея беречь.**

01920.

**Без тебя мне не жить,
я - живу,
не растрчивать слов,
трачу я:
без тебя...**

**Что, решаясь, решить?
Слово - звук...,
что отныне, то впредь,
точно юн,
я раб острых углов,
я свеча.
Без тебя!**

**Ты приходишь,
как ддящийся
праздник,
мой темноглазая,
добрая грусть.
Жил ли я,
пел ли я?
Я - боюсь!**

01922.

*Спасибо множеству:
мир сутью стал моею,
я, ветром дел питаюсь,
как волна,
поднялся, чувствуя и смея
искать любовь
и ненависть - сполна.
Гляди на звезды,
мальчуган, голубогазо!
В иную даль
с прогнозами спеша,
на зов, всесильнее приказа,
сквозь гибельность
промчалась бы душа!
Из клетки вырос я
на радость или горе?
Покуда жизнь
не допита до гна,
зрачки,
как дырочки в заборе:
вся через них Вселенная
видна!*

01923.

**Обалдев от неведомой
скорости
и проклятья устав
возвещать,
на веселом уроке
жестокости,
мы узнаем,
как надо прощать.**

**Мы узнаем:
почем были шалости
огнестрельных
и прочих веков,
где хватало всего,
кроме малости:
не спалось,
не жилось без оков.**

**Не пугайтесь,
любимые женщины,
рыцарь в сердце
еще не храпит:
будет вспомнено все,
что обещано,
будет бой и любовь
победит.**

**Там Фемида,
душа покаянная,
там печали
бредут без одежд,
там по-прежнему
пьем наше пьяное,
злое время великих
надежд!**

**Помолитесь,
любимые женщины,
вдох свободы
в трахеях хрипит:
«не убий», но - убий.
Так завещано:
все простится,
коль Бог не простит.**

**Принимай, совесть мира,
молодчиков,
гибель веры -
веселый конец!
Так стучит,
словно Гейгера счетчики,
учащаясь, тревога сердец.**

01924.

*Дурак влюбленный
годы сбросил,
она пришла, поют ключи,
она, как жизнь,
навряд ли спросит,
который час
во мне стучит?*

*Пластинку ест
иглой алмазной
знакомый наш джаз
в ночи,
она пришла,
как горький праздник,
последний миг спеша
вручить.*

*Легко молчать.
Она, не тратясь
на сор словес,
идет к плите...,
и вижу я, как светит
Радость,
картошку чищу,
денег нет.*

01925.

Себя любить, как идол,
по-зво-ля-ла;
любить - себе позволила
лишь раз.
Ах, язычок,
как розовое жало,
шептал: «Твоя!» -
покуда не угас.

Лицом к лицу встречая
комплименты,
она питала собственный
рассвет;
ее любовь - нарушенное
вето...

Отныне сыплют
шуточками вслед!

Стал резче знак земного
кругозора,
доброжелатель губы
искривил.
Она ночами моет
коридоры,
чтобы Ромео чаще
снисходил.

01926.

Мещанской сферы
лаковые грани:
цветные теле,
блаты и «рука»...
За сорок «девочки»,
непредсказуемые лани! -
глядят в упор на мир
издалека.

Потребностью явилось
потребленье,
вещей доступность
омолаживает зло.
Как много стало суеты,
ведущей к лени;
коснуться ближнего заботы
- тяжело.

Военное родительство
пугливо
вдыхает мир по имени
Среда,
где вдоволь слабых,
и где сила ломит силу,
где стала «информацией»
беда.

...Мораль
претерпевает измененья:
девятиклассница
без спросу родила.
Под окнами ее страдает
нервной тенью,
ремнем побитый,
автор «торжества».

01927.

«Держи конец!» -
я крикнул Богу хрипло.
Швартуемся!
Порадуйте богинь:
так тянемся,
как в небо эвкалипты,
до Красоты,
накуксившись на жизнь.

Рыдает рында,
в дрожь татуировку!
Гляди:
сейчас раскроются ворота
и выйдет к нам
коварства полукровка,
из жизни изгнанная
кем-то, Красота.

Какой бальзам!
Спасительное средство!
Ломают цепи
вольные гребцы,
да... кто-то вспомнил
гаденькое детство,
кого-то за ноги хватают
мертвецы.

И ни один
в тот раз не дотянулся,
не добежал,
на брюхе не дополз
до Красоты. А Бог?
Он отвернулся,
красивый,
как таинственный вопрос.

«Руби конец!» -
он бросил зло и хлестко.
Отваливайте!
Некогда стоять.
И я, дрожа, и белый,
как известка,
канат зубами стал
перегрызать.

Прощайте все!
Видать, не одиссеи...
От мыслей
в голове лишь пустота.
Ах, посмотри нам вслед
повеселее,
не знающая бегства,
Красота!

01928.

Единый разум биосферы
объял земное вещество
и Солнца сжатая
безмерность
глядит на дочь свою
светло.

В эгоистическом порыве
взрослеют младшенькие:
«Дай!»
И постепенно,
щедро стынет
пульсар сознания, звезда.

И мысль,
как тяжкая живица,
течет по времени-стволу,
и копит мозг,
как тайный бицепс,
ошибок новых кабалу.

За взрывом взрыв,
века итожа,
вбирают души теплоту;
их потрясающая сложность
даст эстафетную звезду!

01929.

Все быльем поросло,
все ушло в никуда,
замело, замело,
ни следа.

Замело мои дни
на потом, а пока:
помяни, помяни
чудака.

Не моя череда,
ничего, обожду,
не беда, не беда:
я дойду!

01930.

*Примерно в Полдень
Большого Дня
обнялись мы и стали Быть,
внезапность эту
до дна приняв,
польнь наветов
мы стали пить.*

*Свои «однажды»
храня всегда,
любовь-служанка
шагает в лаг
и каждый право то
выстрадал,
продливши Полдень Двоих
стократ.*

*Иных считаем грузьями мы,
но кто-то им убавил счет,
как параллельные
две прямые,
две наши жизни
Господь сочтет.*

*Мол, что нам Полночь
Чужой Беды?!
Слепые мы... Но спору нет:
как взбунтовавшийся
поводырь,
польни горше,
бежит Ответ.
Ищите Полдень Друзей
в себе,
иначе их не удержать,
едва начнет лишь
их свет слабеть,
как будет Полдень ваш
угасать.*

На снегу неспроста,
что ни след, дочерна:
пустота, пустота,
тишина.
Я дойду до весны,
упаду, где трава,
мои сны, мои сны,
как молва...

И понять не дано:
почему иногда
все равно, все равно?
Череда.
На снегу васильки
поднялись из следа,
чудаки, чудачки -
навсегда.

01931.

Ты вспомни:
два столетия назад
из-за тебя
я дрался на дуэли,
дымились пистолеты
и гроза
в ту ночь гуляла
эхом по ущелью.

Ты вспомни,
как из рекрутов бежал,
из-за тебя
пошел я по этапу:
голоднее разбойного ножа,
разбойнее голодного
сатрапа.

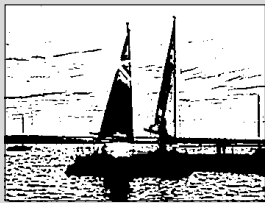
Ты помнишь,
грудь сверкала от крестов?
Из-за тебя
вернулся из похода
от ран неузнаваем, но зато
к твоим ногам легла моя
свобода.

Из-за тебя в безвременьи
шалном
я выдолбил штыком
на бронебашне
два имени в сложении
одном...
А кровь текла так холодно
и страшно!

Не для тебя ль рубал я
уголек
и скалился на
фотоаппараты?
Из-за тебя
в казенное белье
меня рядили бравые
ребята.

Все - для тебя!
В неведомый масштаб
рванулась
ненасытная рука,
а ты...
ну, посмотрела бы, хотя б,
ведь я люблю, люблю тебя.
Пока.

01932.

Что за огонь?
Он лжет?!

Он душу леденит и травит!
Не тот огонь, что жжет,
а тот, что правит.

Нужда, ты тесный шар,
надежда обросла
пределом:
очей вселенский жар
враждует с телом.

Диктуют плоти: «Будь!
Не заступи черту
умерших».
Но мера Цели - путь
самосгоревших.

Когда шаман-костер
зовет в полубезумьи
властном,
самоубийство - спорт
души... О, Разум!

Неутоленья ждет
душа души,
мир плоти дарит
не тот огонь, что жжет,
а тот, что правит.

01933.

Есть в недосказанности
искренность величья.
Что могут клятвы?
Воздух сотрясать:
там стариков житейский
опыт хнычет,
там лидер юный
дрессирует статью,
там страх слепой,
играя в говорильню,
срезает выскочек,
нарушивших предел...
Расти, душа,
до беззащитности
всесильной,
чтоб мир, расширившись,
к любви не охладел.

01934.

Сначала жизнь назвалась
мне женою,
потом пришла,
любовницею, смерть,
но третья - девочка! -
беспечною Мечтою
мне не дает
ни жить, ни умереть.

01935.

Вопрошайте, восклицая!
Краткий миг неповторим:
все Душою нарицая,
мир идет, как пилигрим.

И, как вечное возванье,
манит будущего сад:
словотворное вязанье,
полуплач, полунабат.

Отчего дорога кратка,
КАК безмерен этот путь?
Время, грустная лошадка,
не оглянется ничуть.

Стрелки,
гвоздик в серединке,
завертелись: дон-дон-дон...
В небе маковой росинкой
дышит дальний Орион.

Алча, воинством бряцая,
отрекаясь, наконец,
вспрошайте, восклицая
неразумностью сердец!

01936.

Все будет отдано:
и суеты багаж,
борьба и слава,
и стремленье к Абсолюту,
заветы ветхие...
И ты предашь:
Христа кресту
и совести Иуду.

Не проще ли,
лишь охраняя честь,
не усложнять глаза,
к оттенкам тьмы воззвавши?
Все будет отдано.
Поскольку есть
единый путь для
противостоящих.

01937.

Мой юный друг,
целую твою память;
усталый мозг
расплавил печаль...
Воображение?
Нет, мыслящее пламя
утоплено в несбывшихся
речах!

Осилится
пространство и несмелость:
зачем?!

Я гнал себя в тупик;
все, повторяясь, давно уже
сгорело:
привязанности,
сбывшегося миг.

Прекрасный сон
парит над изголовьем:
беги, усталость,
вспугнутая, прочь.
Воображение,
голодное, как ночь,
простерлось хищно,
выразившись в слове.

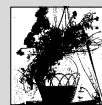
Любовь моя,
неведомый привет,
невыразимая в доступном
существе.

01938.

*Подбитый голубь мой,
я сам в тебя стрелял,
но ты остался жив;
я стал твоим врачом.*

Все будет отдано.
Но ошибусь в одном:
мир - память сущего.
Не оборвется
нить рассказа!
Любовь
самовлюбленный разум
преодолеет
и поднимет в звездный дом.

Там нет святых.
А равно-душие значит:
все будет отдано,
в ином - иначе.

01939.

Переступаю грань
в обратном направлении:
все было можно,
пытка удалась;
боязнь любить -
почти что преступление!
Прости
за обленившуюся страсть.

Увы безумству,
это страсть покоя:
вселился в душу
грешный весовщик,
мой лучший враг.
Почту ли за благое:
раздеться сердцем?
Убивая? Защитив?!

Мне б, как лекарство,
дать тебе обиду:
освобождайся,
плачем исцелясь.
Я - тень,
а ты той тени идол,
наученный природой
разум красть.

Зачем живу я соглядатаем
вреда?
Курю табак.
А жил ли я когда?!

01940.

Не все, что доступно,
хвалебно,
как Истину просишь саму:
«Суди меня именем Неба,
другого суда не приму!
Суди за мои прирученья,
за связи людские мои,
за обстоятельств
стеченье
и в душах чужих колеи.
Суди за лукавые планы,
иллюзии и шутовство
и в город голодный,
как в яму
беззвездную,
брось одного!»
К любви обращаться
не мне бы...
Кто знает:
любовь - западня?!
«Суди меня
именем Неба...»
Зачем ты целуешь меня?

01941.

У Вечного
служители не вечны,
у каждого
свой спор о Красоте:
срез линии,
ведущей в бесконечность,
я выражаю
точкой на листе.

.....
Нет содроганья
в мыслях о прекрасном.
О, сколько слов мы
израсходовали зря!
В небытии
золотоносным пластом
осталась нежность,
бедностью коря...

Любовь, постигни
азбуку поступков,
дан вексель
послезавтрашнему сну:
над пропастью,
в предвосхищеньи жутком
я руки, каясь, к небу
протяну.

И речь, как ядом,
начиня смыслом,
по Книге Судеб
к исполнению прочту:
«Раз-ми-ну-лись».
Но, подводя черту,
молчи:
молчание, как выстрел!

Срез линии,
ведущей в бесконечность,
я выражаю
точкой на листе.

01942.

Преодолеть себя,
но не один лишь раз;
как алкоголик,
втянут в круг падений:
за жертвой жертва...
В том весьма горазд,
ты новый круг
предощущаешь в лени.

И узнаешь уныло,
как противен стал
твой идеал,
одежды вдруг сменивший.
Спать, надо спать!
Давно разбит бокал.
Шумишь зачем?
С того не станет тише.

Предназначенья
суетою не исчерпать:
и звук, и свет,
и весь соблазн веществ...
Будь осторожен,
вечно юный виночерпий,
не частность губит,
то, что «вообще».

Ах, сколько спившихся
друзей своих встречая,
преодолела лень,
трезветь не чая...

01943.

Я грешен в мыслях о тебе,
я грешен
в жизни без тебя.
Я гнал любовь,
любовь пришла,
и смерти ждал,
но смерть уже - была...
Слепец, твой грех -
забавы простачка,
всего лишь пыль
отчаянным зрачком!
Я грешен жаждою мечты.
Беги, Мечта!
Пока - мечта ты.
В капкане ласки
слушай, слушай:
как лапу зверь,
перегрызаю душу.
Я грешен.
Нет к тебе пути;
ты рядом...
Разум, сердце отпусти!

01944.

Пою врагу испуга,
пою врагу исхода,
по суете отшельник
и по душе - старик,
искатель слов, недуга,
укоротитель года:
у времени ли мельник?
у шепота ли крик?

Не перейду я поля,
не пережду ненастья:
ни огонька в заглазьи,
ни ветерка в окне,
жена моя для тролля,
любовница для счастья;
не соблазнить бы казни,
не пережить бы, не...

Отмучили надежды,
уж греет сожаленье,
угрюм, зевает возраст
и суета молчит,
и белые одежды,
и в белом просветленье,
и непонятна корысть,
и сын еще не чтит.

01945.

Сегина...
Побеждать больше некого.
Как по отчеству, бишь,
величать?
Я, твое говорящее зеркало,
научился (в угоду) молчать.

Не уйди от житейского,
мелкого:
ужин, стирка,
капризный малыш...
Ты - мое говорящее зеркало:
говоришь, говоришь,
говоришь.

01946.

Ты позвала,
а я не побежал,
не потерял рассудок
дипломата;
что ты ждала?
чтоб я отныне ждал?
ведь, право, легче править
«виноватым».
И ты ушла,
и я осатанел,
придумывал ненужную
работу,
сквозь донышко стаканное
глядел
на мстительность
заплакавшей погоды.
Дуэтом пели,
хмурясь и сердясь,
обиды дней.
Унылые сюжеты!
Тревожит слух
то звон чужой монеты,
то монолога внутреннего
власть.
Ты позови,
попробую не клясть
соблазны
восхитительного мига,
согласен ждаты,
хедь так легко пропасть,
когда любовь -
желаемое
иго.

01947.

Я вижу гроб:
в гробу лежит Свобода,
в почетном карауле
казначей,
солдат стоит
у траурного входа
и дан забег для траурных
речей.

Она лежит,
украшен гроб цветами,
их принесли
из тайных кладовых,
она лежит,
юнцу равна летами,
развратная забавница
седых.

Я вижу гроб:
в гробу лежит Свобода,
дочь палача,
любовница уroda.

01948.

**Ранило Вечность Жизнью,
Вечности Смерть
коснулась.**

Ее всегда оберегали,
в итоге не уберегли:
чужие сны ее позвали
пройти по краешку земли.

Ее мечта, скользя по свету,
не оглянулась ни на что
и жизни две, и та, и эта,
сойдясь, явили пламя то.

И шла она, дитя доверья,
без ожидания, без поры,
ее прекрасные потери
хранили дальние миры.

Полна, как Хаос, чистотою,
не береглась, не берегла,
живым грехам она святое
мученье вечное дала.

Она всегда ничья. И все же
любой шептал: «Моя она!»
Неповторима, но похожа...,
непогрешима, но вольна...

Бежит от привязи удача.
Глупец, свободу не лови!
Любовь вела с улыбкой,
плача,
миры на краешек земли...

Какие огненные кони
приснились...
Милое дитя,
лежат мирами на ладони
осколки крупного дождя.

01949.

Душа,
мой дорогой священник,
Душа,
я прошепчу пароль:
Душа,
не доведи до отмщенья -
врагами насладиться
не дозволю.

01950.

Гордец могуч,
мужает, не взрослея:
в чрезмерности
ни покарать, ни снизить.

Мы круг войны,
мы дети мавзолеев,
мы фениксы
у злобы взаперти.

Все повторяется,
иных сует модели:
в народах, в личностях,
в олимпах торжества...
- Чем, братья, заняты?

Ответ их:
- Делим!!!
В преддверии
Второго Рождества.

Отравлен разум
бешенством гордыни,
зато слова точны,
как бумеранг:
- Где ты, любимая?
- Где ты, любимый?
Любовь одна:
поделим пополам?

01951.

- Что боишься ты,
моя милая?
- Не боюсь я
бедности, не боюсь
насмешников.

- Что боишься ты,
моя милая?
- Не боюсь на
исповедь, не боюсь на
таинство.

- Что боишься ты,
моя милая?
- Не боюсь я
страшного, не боюсь я
глупого.

- Что боишься ты,
моя милая?
- Я тебя боюсь...
Слишком часто я
говорил: «Люблю!»

01952.

Ты с подлецом
вступаешь в споры,
зовешь участвовать:
свидетелям - тоска...
Так публика освищет
матадора,
не раздразившего
до ярости быка.

Готов ли ты
подняться на рога?
Победа жизни -
смерть ее врага!
Условность битвы -
вот где поражение.

01954.

Одолевает сон.
В любое время суток.
Лишь просыпаюсь, помню:
нет тебя!

И силы вон уходят,
глазам недужно видеть.

.....
В изнурительном
откровении
не люблю, а
ПРЕВОЗМОГАЮ
путь от правильного
сомнения
до бесстрашного
«Понимаю!»

Доброта твоя беспощадная,
сам себя казнить
был бы рад я,
обернулась ложь
вещей правдою:
я люблю тебя.
Небо - надвое!

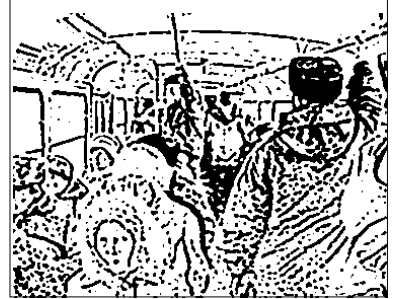
Все, что свет копил -
крепость черная,
посеребрены мысли мрака:
на меня ли ты обреченная
в медальончике Зодиака?

.....
Ты не слушай слова,
романтизм отпусти,
обладанье сперва,
после - глупости!

.....
Я голоден голодом сытого,
неужто не имешь ты жуть?!
Я голоден голодом сытого,

01953.

Каков обряд!
Жизнь - те же позы мима.
Импровизируйте; лишь
новизна неуязвима.

здесь
сыть истребленная - суть...
Я голоден голодом сытого,
я голоден, голоден я:
опасна,
как пропасть открытая,
бездонных небес полынья.
Я голоден голодом сытого,
вскормленного скорбию,
песней убитого.

.....
Вчерашнее свиданье было
кратким,
сегодняшние встречи жжем
легко:
любовь-дита ложится на
лопатки,
чтоб ждать любовника
за рубежом веков...
Как бережно хранит нас
мир,
позволив жить, о тайны
обжигаясь.
О, человек, мечты вампир;
попешность терпит Истина
святая.

.....
Одолевает сон,
но сна уж нет,
есть только з а с ы п а н ь е.
Я знаю: ты моя.
И твой ответ подобен.
Нет интереса открывать
глаза.

.....
Все разреши:
сожжет обид комок,
уйдет у «мученика» почва
из-под ног...

01955.

*За юбку матери
хватается гитя.
Глаза торопятся
к небесным сарафанам.
Не подходи!
Мой кареглазый гений,
мой судья:
погибнешь ты - погибну я;
взаимность опасается
пожара.
Странно:
тот невредим,
чья правда - плод
из семени вранья:
о, сколько многоточий
в точке жизни!
Все «Да» и «Нет»
в молчании твоём.
Неуязвим вопрос:
зачем наш саг,
в слепой ночи
чужого света брызги?
Неуязвим ответ:
все, что познал - твой дом.
И нет пути назад.
Не подходи:
в объятьях - сила жажды.*

01956.

**Будто некрофилия,
воспоминания:
поединщики с ностальгией-
победители привыкания,
привыкания к чуду
неповторимого...
Вопль отчаянья:
«Не забуду!» -
ложь поклявшегося
любимого.
Из фрагментов памяти
вынуто лучшее;
в омут прошлого
опротетью,
в остальное все -
от бездушия!
Остывающее «Я»
теплотворительно:
все, что минувшее,
в сущности,
покаяние восходителя.
Пик по имени Время -
нерасторжимое
единение всех мгновений...
По ОТДЕЛЬНОСТИ
видишь во лжи меня.**

01957.

**Давай посидим:
наше прошлое с нами,
двойная, непрочная нить...,
не многое
скажешь словами,
когда научились
глаза говорить.**

**Беседы бесед,
все немые вопросы,
любви недоступен ответ:
зачем небосвода колеса?
светила кружащего
рабский браслет?**

**О, тайная сила,
владычица встречи,
друг к другу
ты бросила так,
что, боже,
друг друга калеча,
взорвались сердца,
осветившие мрак!**

**Не смей оглянуться!
Оглянешься - сгину,
я рядом, ты веруй и знай:
пустынная жизни долина
и мрак наш великий,
и возданный рай.**

**Там есть возвращения,
памяти дыба,
и зряч
беспощадный чужак...
Я жертвую памятью, ибо:
умею во веки и присно
лишь ждать.**

**Какая высокая музыка это!
Упрямый беспомощен слог,
прошедшее время -
вендетта...
Дай, милая, руку:
я скорбь превозмог.**

.....

**Едва признался ты,
остуда тут как тут;
что ж, изреченное
молчанья не сильнее:
любить - достойный труд,
любимым быть труднее!**

01958.

**В твою орбиту
втянут сердцем.
(Сопровивляйся,
здравый смысл!)
Но никуда не деться
от прихоти светил.**

**Миг длится
двойственным
союзом:
век черед
ночей и дней...
Невидимые узы,
что может быть
прочней?!**

01959.

*Как мне забыть
желание забвенья?
ТОТ свет затмил
привычные огни:
и Страшный Суд -
начало сотворенья.
Глазами карими
на подсудимого взгляни...*

*Сколь жалок вид
просителя прощенья!
Понятна слава
медлящей руки...
Я вечный нищий,
созданный возженьем
Его невидимой,
но ведомой строки.*

*Не спутать бы
дряхлающие нравы
с тем, что не знает
мерок высоты!
Давно прочитано:
неплодоносны лавры,
а сила слов воздвигает
стыд...*

*Упершись лбом
в осеннее ненастье,
меня в Себе, как жуть,
превозмоги,
и вот тогда,
ведомы неба властью,
слова уйдут:
бессмысленны, беззначны
и наги.*

01960.

Возьми весь мир!
Что ж, цель благая,
но прежде покажи:
а взять-то как?
Любимой
Вечность предлагая,
не поспешишь на жизнь,
чуждак.

01961.

Мы сиамские близнецы
с кровью общей,
пониманием разным.
Одиночества дефицит,
чего уж проще, -
души проказа.

От чрезмерности ли
родства
зренья узость,
глухота в громогласьи?
Из-под крови бы опростать
жизни узы,
кувшины счастья.

Мы сиамские близнецы:
дети детей
и отцов отцы.

01962.

Сравним два наших
покаянья:
твое, как пух,
мое, как стон,
весы склоняет
к пониманью
несовместимости времен.

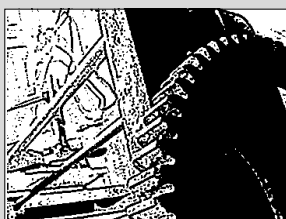
Сравним два наших
ослепленья:
там - фееричность,
тут - пожар;
в любви
повергнутое время,
увы, мой друг,
не долгий дар.

Что погубило нас?
Сравненья!
Отшельник я,
ты - мотылек,
и наш закон соединенья,
увы, срок жизни
не изрек.

01963.

Факт:
в лабиринте уличном
прямота наших встреч
запуталась;
недосказанность
мелким жульничком
присоседилась, зааукалась;
резонансы души двох
перерезаны
нитью-временем,
нет мелодии,
порознь водят их:
каждый странствует,
каждый в лени нем.
Будь!
Уповаю, сломленный,
тротуары скребет
взгляд умерший,
тяжело-ничей,
как вдовец соломенный:
телефоны спят,
милый вздор твой ждут.
Будь!
На авось взаимность нам
вдруг да явится
тварью бешеной?
Мы учились:
в обмане - истина;
нежен с этой был,
да нежнее с той...
Кто это?
Ты?
Горе мое!
Отнюдь...
Город. Железо.
Осени эхо:
«Будь!»

01964.

Взываю к мощи;
не услышать бы врасплох
движенья двуединый
Голос;
земной театр от суеты
оглох,
поизносились посохи эпох,
но не продвинулись актеры
ни на волос.

Луч мудрости
полумелькнул
в сказаньях вед,
оставив лишь пример
для повторений;
исподтишка соблазн,
как костоед,
все рушит,
и дробится белый свет
на глупость, празднества
и зверства озарений.

Я знает «Я» и даже «МЫ»,
как инструмент
ничей, а, значит,
утонченный...
Ах, мыслей бег,
путь М▯биуса лент,
и слух,
неисправимый декадент,
толкают веру в пасть
неведомости черной.

Вчерашние подмостки
мирно встали в ряд,
но фарс оваций
замогильных
насильно держит
(спереду назад)
тьмы чистых глаз,
и доблестей парад
свет мира портят,
что обжоры на коптильнях.

Явись, Прекрасное,
хоть в рубище: явись!
Пусть лопнет короб
представлений.
Часы,
как нападающая рысь,
а смерть,
почти постигнутая высь,
делящий занавес:
любовь от преступлений.

Шамань, свет рампы,
тьме наперекор!
Шаманит тьма.
Не умолкает Хор.

01965.

Размеры Вечности
к себе не приспособить,
так и живем:
кто сколько отщипнет,
или подобному
стремимся уподобить
росток того,
что в «общем» не растет.

Знак дуализма чужероден,
неприятен,
век-психопат
в поспешности прямой
пьет воды лет твоих.
Отметки «белых пятен»
на картах путника,
бредущего домой.

Любви коснулся ты:
вот оттиск сил нездешних,
росток души стремглав
стал поспешать
туда, где Реквиемом
каждый лист изнежен,
зрачки, как бездна:
незачем дышать!

О, Господи!
Я так люблю ее:
как трупный яд,
все прошлое мое.

01967.

**Ты - взгляда клеть.
Крылами помашу:
люби кого-нибудь,
свободы я прошу.**

01970.

Ты женщина!
Иначе ты не Муза.
Зачем ты искренность
скрываешь за расчет?
Ты одержима
бесподобностью союза,
ты жизнь моя,
что в прах не истечет.

Ты женщина:
мотив сопротивления
витают в воздухе
квартирных дней и дел,
ты аура моя, защита,
исцеленье.
Лица овал скривленный
отболел.

Ты - слезы
в фосфорическом мерцании,
ты сыть блаженного:
восторг в том и укор;
в твоих расчетливых
объятых прорицанье:
за Музой мчится
Жизнь-конквистадор.

Погибну я, быть может,
скажешь: «Ах!..»
Так бык лесной смерть
носит на рогах.

01966.

Мечта должна
гореть и греть:
без угольков
поджаришь пятки!
Бог любит песни?
Будешь петь.
Не в духе Бог?
Полюбишь прятки.
Мечта горит, не обожгись,
прочь отойдешь,
погасишь ЭТО...,
а закричишь и Божья высь
проверит:
что ты за монета?
Откуда счет ведет огонь,
не продолженье ль тьмы
светила?!
Горит мечта.
И - только тронь! -
сожжет жизнь
яростная сила.
Серьезности обидно:
почему
сгорают все,
что в боговом дому?

01968.

Взглядом руки лизать:
август псом заскулил...,
где беспечность,
влюбленности свойство?
Все по силам сказать,
все услышать нет сил:
в этом червь твоего
беспокойства!

01969.

Спасаю жизни скарб,
я одинок, как Ной,
на небе звезд
полуночный гарем...
Не надо ни одной.

01971.

Ведь надо же,
случился оборот:
любил, покинут был, и вот
пишу, бесчувственный,
о «разрушениях» отчет.
Итак,
разрушены:
уют и сна покой;
ложусь спать с ЭТОЙ,
вижусь с ТОЙ;
покинул Бог меня
и не шепнуть уж:
«Боже МОЙ...»
Все мрак.
Все мрак! Итак:
увы, наивен вор,
сказав «мо□»
тому, что спер;
нет больше чувств: конец,
самоубийство, приговор.
Тик-так.
А, впрочем, милые,
хоть ЭТА ли, хоть ТА,
милей привычная меж
вами п у с т о т а.

01972.

Ты будешь ведьмой:
ведать будешь ты,
хлебнешь сполна от
непосильных мыслей;
лицо отсутствует
у высшей доброты,
кто зеркало,
тот сам к себе завистлив...

Гербарий слухов,
бродят женихи:
самец, колдун,
а, может, раб?
Хи-хи!

Эй, непокорная,
кого кто покорял?
Ты - ведьма!
Я - лишь твой «материал».

01974.

Я так хвалил тебя,
что понял: не-до-сто-ин!

Твой Образ
победил Оригинал
и сжато сердце
логикой простою:
остановись,
ты правду обогнал.
Остановись.

Ты небылицы догоняешь.
Когда догонишь,
кто тебя поймет?
Устанешь...
и на площади пивная
любовь твою
когда-нибудь уймет.
Уйдет она,
но ты, наедине с химерой,
все будешь ждать
таинственный сигнал;
ничто не сможет трауру
быть мерой:
тускнеет Образ
и - Оригинал.

Ночь независима,
щиплю аккорд гитарный,
почти горжусь
игрой игры коварной.

01975.

Непрочен мир,
как все непрочно в мире,
на путь борьбы ступая,
как на твердь,
в победный час ты
слышишь панегирик,
но не готов
от счастья умереть.

Искал и я
покорность и упрямство:
как провокатор,
действуя в обход,
за шутовством я прятался
и пьянством,
нарочно спутав
вечер и восход.
Фиглярский зуд был
формулой кривлянья,
я разрушал
стабильность и уют;
глаза мои,
не знающие нянек,
вы видели,
как в душу мне плюют!

Идти, идти, шурша
дорожной крошкой;
перебегают путь,
как дьяволицы, кошки!

01973.

Терпенье сломлено
чередованием настроений,
одежды сброшены,
и ночь, как Высший Суд,
вот тайна: тайны - нет...
Как Феникса творенье,
любовь крылата,
но когда лишь крылья жгут.

По краю пропасти, уввы,
гуляют Разум с Чувством,
махни платком:
где наша пристань
общих лет?
Не дай Господь,
обняв мечту,
понять, что пусто
в кольце двух рук:
есть тело,
но души там нет.

Так нелегко сгореть,
но как легко остыть!
Жизнь балансирует,
двойная тяжесть: быть.

01976.

О вечном говорят без многословья,
а те, кто знают подлинно, молчат;
смысл ищет юность, старость ждет здоровья,
роль середины - нечто от врача.
Искусство-врач рецептами обильно,
машина-врач для доки полубог,
всяк знахарь тож: Восток коптит курильню
и лечит Запад тем, что век - жесток.
А вечное плывет куда-то мимо...
Гордились чем? Накликали болезнь!
И к юности с рожденья пилигримы
стареют, не понявши неба сень.
Кто спорит, спорьте. Душу очищая,
в пылинке бесконечность ощущая.

